

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-12

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ВНУТРЕННЕМУ УБЕЖДЕНИЮ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Акынкали Даутбаевич Дарменов,
Костанайская академия МВД Республики Казахстан
им. Ш. Кабылбаева, Костанай, Республика Казахстан,
a.darmenov@kpa.gov.kz

Аннотация

Введение: исследование посвящено анализу процесса свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению по законодательству Республики Казахстан. Актуальность темы обусловлена стремлением обеспечить максимальную объективность судопроизводства и исключить фиктивную трактовку фактов. Целью статьи является выявление недостатков существующей системы и разработка предложений по ее совершенствованию.

Материалы и методы: анализ основан на изучении законодательства Республики Казахстан, а также научных трудов и исследований по данной тематике. Применены методы дедукции, индукции, а также формально-юридический метод, позволяющие всесторонне рассмотреть проблему.

Обзор литературы: проведен анализ научных исследований и трудов ученых, затрагивающих вопросы оценки доказательств. Это позволило выявить различные подходы к свободной оценке доказательств и обозначить ключевые аспекты, требующие дальнейшего исследования и переосмысления.

Результаты исследования: выявлены противоречия и неэффективность действующей системы оценки доказательств, в частности, недостаточно четкое разграничение между «использованием» и «исследованием» доказательств, что ведет к ошибкам в правоприменении. Обнаружена потребность в более четком определении роли внутреннего убеждения судьи в процессе оценки доказательств.

Обсуждение и заключение: исследование подтвердило необходимость существенной корректировки законодательства Республики Казахстан в части оценки доказательств. Предложены пути оптимизации процесса, направленные на усиление объективности и справедливости судопроизводства. Автор предлагает пересмотреть нормы, регулирующие доказывание, в аспекте углубления принципа свободной оценки доказательств, что способствует повышению качества и эффективности правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: Республика Казахстан; оценка; общие условия; противодействие; принципы; правоохранительная деятельность

© Дарменов А.Д., 2024

Для цитирования: Дарменов А.Д. Общие условия оценки доказательств по внутреннему убеждению через призму нормативно-правовой реализации принципов в Республике Казахстан // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 89 – 96. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-12

Scientific article
UDC 343.2/.7
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-12

**GENERAL CONDITIONS OF EVALUATION OF EVIDENCE ON INTERNAL CONVICTION
THROUGH THE PRISM OF REGULATORY REALIZATION OF PRINCIPLES
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Akynkali Dautbaevich Darmenov,
Sh. KabyldaevKostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan,
Kostanay. Republic of Kazakhstan,
a.darmenov@kpa.gov.kz

Abstract

Introduction: the study assesses the analysis of free evaluation of evidence of internal conviction under the legislation of the Republic of Kazakhstan. The relevance of the subject is due to the desire to ensure the maximum objectivity of the judicial process and to exclude fictitious interpretation of the facts. The purpose of the work is to identify the shortcomings of the existing system and to develop proposals for its improvement.

Materials and Methods: the analysis is based on the study of Kazakh legislation, as well as scientific works and studies on the subject. Methods of deduction, induction, as well as formal-legal method were applied, which allowed to consider the problem comprehensively.

Literature review: the author analysed scientific research and works by scientists that touched on the issues of evidence evaluation. This allowed us to identify different approaches to the free evaluation of evidence and to identify key aspects that require further research and rethinking.

Results: the study analysis revealed contradictions and inefficiencies in the current system of evidence evaluation, in particular an insufficiently clear distinction between 'use' and 'research' of evidence, leading to errors in law enforcement. The need for a clearer definition of the role of the judge's inner conviction in the process of evaluating evidence was identified.

Discussion and Conclusions: the study confirmed the need for significant adaptation of the legislation of the Republic of Kazakhstan in relation to the evaluation of evidence. Ways of optimising the process aimed at strengthening the objectivity and fairness of legal proceedings are suggested. The author insists on the revision of the evidence norms in the direction of deepening the principle of free evaluation of evidence, which contributes to improving the quality and efficiency of law enforcement activity.

Keywords: Republic of Kazakhstan; assessment; general conditions; counteraction; principles; law enforcement

© Darmenov A.D., 2024

For citation: Darmenov A.D. General Conditions of Evaluation of Evidence on Internal Conviction Through the Prism of Regulatory Realization of Principles in the Republic of Kazakhstan. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):89-96. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-12

Введение

Свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению является контр-типом формальной теории доказательств в уголовном процессе и призвана исключить все фикции трактовки тех или иных фактов в уголовном процессе [1, с. 75] и тем самым обеспечить максимальную объективность уголовного процесса. Полагаем, какая-либо дополнительная аргументация в пользу теории свободной оценки доказательств, помимо общеизвестной, абсолютно излишня, тем более

что о примате последней открыто заявляет Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) в виде существования ст. 25 «Оценка доказательств по внутреннему убеждению»¹ [2].

Сущность теории свободной оценки доказательств связана с тем, что судья является единственным высшим мерилом события, оценивающим ситуацию исключительно по внутреннему убеждению и принимающим решение вопреки сложившимся стереотипам на основе понимания

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (ред. от 16.11.2023) // Казахстанская правда. 2014.

им справедливости [2, с. 45]. Такой подход позволяет избежать излишнего формализма уголовного процесса, в условиях которого судья вынужден принимать решение, не соответствующее его внутреннему убеждению.

Вместе с тем исключительность оценки судьей фактов вне установок предвзятости и каких-либо правил оценки доказательств, придающих последним заранее установленную силу, предполагает ряд утверждений, имеющих значение для современного уголовного процесса.

Обзор литературы

В ходе написания научной статьи были исследованы труды А.С. Емузова, Е.В. Селина, В.А. Середнева, Е.А. Снегирева, проведен их анализ и выработаны предложения по оптимизации действующего законодательства Республики Казахстан.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили положения законодательства Республики Казахстан, научные работы и исследования по рассматриваемой проблематике. При написании статьи использованы диалектический метод, методы дедукции, индукции, формально-юридический метод.

Результаты исследования

По-нашему мнению, никакое доказательство, не имея заранее установленной силы, одновременно не может рассматриваться как допустимое или как недопустимое в уголовном процессе. Это во многом связано с тем, что процесс доказывания имеет целью формирование внутреннего убеждения лица, оценивающего те или иные факты. Способы формирования такого убеждения находятся абсолютно вне каких-либо фикций оценки фактов. С точки зрения феноменализма они и вовсе не могут иметь своего объяснения¹. Ярким примером является убежденность присяжных заседателей, которая выступает мерилем демократизма уголовного процесса, осуществляемого вне правовых фикций, а только лишь на основе жизненного опыта граждан. Как следствие, здесь присяжные заседатели не обязаны и как-либо мотивировать свое решение. Такое полное доверие познающему, возможно, является единственным способом избежать нахождения у власти (в том числе судебной) непорядочных малоинтеллектуальных людей, чьи решения не могут быть обоснованы сложившимися фикциями уголовного процесса, а потому не подлежат какому-либо оправданию.

Все это ставит под сомнение разумность существования каких-либо норм, устанавливающих правила оценки обстоятельств, имеющих значе-

ние для дела в качестве доказательств, запрещающих использование тех или иных фактов в качестве доказательств. В структуре действующего УПК РК этот довод делает бессмысленным существование множества норм, в том числе регулируемых главами 15 («Доказательства») и 16 («Доказывание») УПК РК. Исключением из указанных глав может считаться лишь ст. 121 УПК РК «Доказывание», не содержащая каких-либо указаний на оценку тех или иных фактов как допустимых или недопустимых для их использования в качестве доказательств.

Опишем наш довод наглядно, применительно к структуре УПК РК, положив в основу нашего анализа обозначенные выше главы.

Ст. 111 УПК РК «Понятие доказательств» состоит из двух частей. Первая часть определяет понятие доказательств как «законно полученных фактических данных, на основе которых в определенном настоящем Кодексе порядке орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, суд устанавливает наличие или отсутствие деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Казахстан, совершение или несовершение этого деяния подозреваемым, обвиняемым или подсудимым, его виновность либо невиновность, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

Проведенный анализ этой статьи дает основание утверждать, что она противоречит логике свободной оценки доказательств уже потому, что формирование убеждения судьи не должно быть связано какими-либо фикциями. В данной же статье роль фикции выполняет указание на то, что любые «полученные фактические данные, на основе которых...» должны быть законными, т.е. соответствовать установленному УПК РК порядку. Это предполагает, что обсуждаемые данные уже не могут быть любыми, поскольку они непременно должны соответствовать фикции законности. Приведем пример видеозаписи преступных действий лица, проведенной в ходе следственного действия, не санкционированного следственным судьей или не согласованного с прокурором, что делает результаты такого следственного действия незаконными (ст. 234 «Санкционирование негласных следственных действий», ст. 242 «Негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места»). При этом сам факт совершения лицом преступления, явно подтверждаемый видеозаписью, в такой ситуации формально не имеет никакого значения для доказывания, что, конечно же, является явным противоречием логике исследования события. В результате чего суд и прочие участни-

¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. Москва: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с. С. 801.

ки процесса, будучи уверенными в совершении преступления лицом, «вынуждены делать вид», что сама видеозапись отсутствует и не может являться средством доказывания. Уход от ответственности фигуранта записи на примере данной ситуации не может не делать уголовный процесс неэффективным и не соответствующим сути правосудия и свидетельствует, что последний содержит множество «атавизмов», противоречащих самой сути оценки доказательств по внутреннему убеждению.

При этом иллюзия «законности» никак не может быть достоянием отечественного законодательства именно ввиду несоответствия его предназначения нормам аксиологического характера. Конечным результатом существования таких норм является все усиливающееся недовольство населения, требующего реформ, которые могли бы изменить ситуацию и исключить из законодательства «крючкотворные моменты», формализм, способствующие уходу преступников от ответственности.

Часть вторая данной статьи перечисляет виды возможных доказательств по делу: «показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, имеющего право на защиту, эксперта, специалиста; заключения эксперта, специалиста; вещественные доказательства; протоколы процессуальных действий и иные документы». Бессмысленность данной нормы определяется тем, что все данные виды «доказательств» изначально являются «любыми» фактическими данными, имеющими значение для дела, а потому не требуют своего перечисления. Более того, само данное перечисление не имеет никакого смысла еще и потому, что законодатель не смог определить исчерпывающий перечень таких «доказательств», вынужденно сославшись на «иные документы».

В данном случае «иные документы» гипотетически должны отражать любое действие, исследуемое события, а потому как бы справляются с полным обобщением всех обстоятельств, имеющих значение для дела, что логически и делает ненужным перечисление всех «предыдущих доказательств». Вместе с тем они справляются очень условно, поскольку ряд доказательств может не иметь никакого специального документального оформления до суда и в суде. Автор имеет в виду заявления, сделанные в ходе судебного процесса, предоставление предметов, позиционируемых как имеющих значение для дела. В таком контексте формулировка законодателя и вовсе становится неудачной. Одновременно представленная логика делает излишними все нормы гл. 15 УПК РК

«Доказательства», начиная со ст. 115 и заканчивая ст. 120.

Следующей статьей, подлежащей описанию нами в рамках критического анализа составляющих общего условия «свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению», является ст. 112 «Фактические данные, недопустимые в качестве доказательств». Сущность данной статьи состоит в детализации условий «незаконности» получения фактических данных, имеющих значение для дела, в качестве которого определен факт их получения с нарушениями требований УПК РК, в результате чего они получены «путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса или нарушением иных правил уголовного процесса при досудебном расследовании или судебном разбирательстве дела повлияли или могли повлиять на достоверность полученных фактических данных».

В данном случае дуализм «лишения или стеснения законных прав» и «достоверность полученных фактических данных» имеет в своей основе яркий пример фикции, при котором установление события связано с обязательностью соблюдения процедуры такого установления. Ибо само лишение или стеснения законных прав того или иного субъекта зависит от формального выражения процедуры, установленной самим же законодателем. В результате чего такое стеснение может даже не осознаваться лицом и фактически отсутствовать. Однако, будучи выраженным процедурным правилом, оно формально все же выполняет роль критерия нарушения прав.

Ярким примером этой фикции можно считать правило, определенное частью третьей данной статьи, которая указывает на то, что «не могут быть положены в основу обвинения показания подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, заключение эксперта, специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы, если они не включены в опись материалов уголовного дела». То есть формально, исходя из текста закона, в данной ситуации лишение прав подозреваемого заключается в том, что его показания, не будучи включенными в опись, представлены в уголовном деле в качестве обстоятельств, имеющих значение для дела.

Научный интерес представляет и попытка законодателя определить случаи «лишения или стеснения законных прав», в число которых он включает:

– применение пыток, насилия, угроз, обмана, а равно иных незаконных действий и жестокого обращения;

– использование заблуждения лица, участвующего в уголовном процессе, относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие неразъяснения, неполного или неправильного ему их разъяснения;

– проведение процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу;

– участие в процессуальном действии лица, подлежащего отводу;

– существенное нарушение порядка производства процессуального действия;

– получение данных от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании;

– применение в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям.

Отметим, что все эти условия, по сути, абсолютно не исключают получения объективной, достоверной информации, имеющей значение для дела [3, с. 164]. Даже информация, полученная от неизвестного источника, может полностью соответствовать действительности, а в случаях латентных преступлений она может и вовсе являться единственным источником доказательств. Непоследовательность законодателя в данном случае заключается в том, что эти условия не являются исчерпывающими, что прямо указано частью первой данной статьи. Это делает бессмысленным такое перечисление, предполагая, что логичным выходом из ситуации было бы указание единого условия идентификации лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса, которое законодатель указать не в состоянии ввиду отождествления лишения прав лица с нарушением законности.

Таким образом, формируется триада «нарушение законодательства – лишение законных прав – недостоверность», являющаяся фикцией выражения недопустимости использования фактических данных, имеющих значение для дела в качестве доказательств. Удивительность ситуации определяется еще и тем, что законодатель фактически взаимообуславливает допустимость и достоверность данных, имеющих значение для дела в рамках обозначенной триады. Однако, на наш взгляд, находясь в логическом тупике, законодатель уже в части второй обсуждаемой статьи делает попытку «вернуться к смыслу правила свободной оценки доказательств», указывая на то, что «недопустимость использования фактических данных в качестве доказательств, а также возможность их ограниченного использования в уголовном процессе устанавливаются органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором или судом по

собственной инициативе или по ходатайству стороны. Орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор или судья, решая вопрос о недопустимости доказательств, обязаны в каждом случае выяснить, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение, и принять мотивированное решение».

Этой нормой законодатель фактически делает бессмысленными как все перечисленные выше случаи, идентифицирующие нарушение прав, так и само правило триады «нарушение законодательства – лишение законных прав – недостоверность», поскольку отдает окончательное разрешение данного вопроса на волю лица, осуществляющего производство по делу. Это окончательно делает совокупность рассуждений, содержащихся в ст. 112 УПК РК «Фактические данные недопустимые в качестве доказательств», бессмысленной и даже вредной, поскольку ее противоречивое содержание создает предпосылки хаотического правоприменения и ставит под сомнение существование свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Следующей статьей, подлежащей анализу, является ст. 113 УПК РК «Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу». Фактически ее суть мы уже рассмотрели выше, в рамках полноты уголовно-процессуального познания как общего условия уголовного процесса. С учетом нашей корректировки данной статьи и переноса акцентов с доказывания на установление обстоятельств, имеющих значение для дела, ее название должно прямо указывать на отношение к обстоятельствам, подлежащим установлению по делу.

Не имеет своего смысла и статья УПК РК 114 «Обстоятельства, устанавливаемые без доказательств», сущность которой состоит в установлении оценочных критериев доказывания, позволяющих перевести то или иное утверждение в разряд априорных. Отсутствие такого смысла связано, как мы уже выше отметили, с тем обстоятельством, что саму оценку тех или иных фактов как доказательств должно осуществлять лицо, ведущее производство по делу вне каких-либо правил, заранее устанавливающих силу тех или иных доказательств. Отметим, что все шесть случаев, при которых обстоятельства, имеющие значение для дела, считаются установленными без доказательств, если в рамках надлежащей правовой процедуры не будет доказано обратного, полностью можно считать правилами, устанавливающими силу доказательств, а потому требующими своего исключения из УПК РК. Особое внимание все же необходимо обратить на случай оценки тех или иных фактов как общеизвестных, чему мы и

вовсе не можем найти объяснения, ибо каких-либо критериев общеизвестности не существует изначально ввиду индивидуальности личности, групп, коллективов, народностей.

Следующими статьями, подлежащими описанию в рамках нашего исследования, являются ст. 115 – 120 УПК РК. Собственно, их ущербность уже описана нами выше по отношению и к общей логике отсутствия необходимости неполного перечня норм, перечисляющих виды доказательств, и вообще по отношению к необходимости их перечисления. Единственным моментом, требующим своего описания в УПК РК, является момент судьбы вещественных доказательств, фигурирующий в ст. 118 Кодекса «Вещественные доказательства». Отметим, что он фактически так и не разрешен данной статьей и регулируется отсылочной нормой на соответствующее решение правительства. Исходя из общего предназначения норм, определяющих правила доказывания, мы полагаем, что было бы верным отнести вопросы о судьбе доказательств к содержанию ст. 406 УПК РК «Вопросы, разрешаемые судом одновременно с постановлением приговора», представив часть пятую данной статьи в следующей редакции:

«5. При вынесении решения о прекращении уголовного дела или вынесении приговора должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах и документах, использованных в доказывании. При этом:

1) орудия уголовного правонарушения подлежат конфискации в судебном порядке или передаются в соответствующие учреждения определенным лицам или уничтожаются;

2) вещи, запрещенные к обращению или ограниченные в обращении, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются;

3) вещи, не представляющие ценности и которые не могут быть использованными, подлежат уничтожению, а в случае ходатайства заинтересованных лиц или учреждений могут быть выданы им;

4) деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, а также предметы незаконного предпринимательства и контрабанды по решению суда подлежат обращению в доход государства; остальные вещи выдаются законным владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства. В случае спора о принадлежности этих вещей он подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства;

5) документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при деле в течение всего срока хранения последнего либо переда-

ются заинтересованным физическим или юридическим лицам или предоставлены во временное пользование, если это возможно без ущерба для дела, либо переданы их копии.

б) порядок изъятия, учета, хранения, передачи и уничтожения вещественных доказательств, документов по уголовным делам судом, органами прокуратуры, уголовного преследования и судебной экспертизы устанавливается Правительством Республики Казахстан».

Полагаем, такой перенос позволяет не только исключить ненужные для уголовно-процессуального законодательства нормы, но и качественно определить место норм, описывающих судьбу вещественных доказательств и документов.

Следующей группой, подлежащей описанию, является совокупность статей, предусмотренных гл. 16 УПК РК «Доказывание». Первой из них является ст. 121 «Доказывание», о необходимости которой мы указали выше. Вместе с тем и она, на наш взгляд, должна быть откорректирована, поскольку устанавливает в качестве одной из операций работы с доказательствами их использование. При этом ни одна последующая норма УПК РК не описывает и даже не обозначает сущность такого использования, вследствие чего мы приходим к выводу, что термин «использование доказательств» в уголовном процессе существует ошибочно. Более того, мы утверждаем, что термин «исследование доказательств» также должен быть исключен, ибо в цепи «собирающие доказательства – исследование – использование – оценка» первый и последний элемент имеют собственно значение, существенное для доказывания. Что же касается второго элемента, в который законодатель по смыслу ст. 124 УПК РК «Исследование доказательств» включает «анализ полученного доказательства, его сопоставление с другими доказательствами, собиравшие для их проверки дополнительных доказательств, проверку источников получения доказательств». Необходимо отметить, что этот процесс условно можно разделить на:

- анализ;
- сопоставление доказательств между собой;
- проверку доказательств посредством собиравших новых;
- проверку доказательств с точки зрения допустимости их источника.

Указанные элементы подвергаются нами критике, поскольку анализ доказательств – процедура, не находящая своей детализации в уголовно-процессуальном законодательстве и потому бессмысленная с точки зрения ее интерпретации. С точки зрения сложившейся неопределенности

в данное понятие можно заложить абсолютно любое содержание, что делает его бессмысленным. Сопоставление доказательств между собой является логичным процессом собирания доказательств, направленным на установление достаточности, достоверности или относимости того или иного доказательства или их группы, а потому, исходя из логики законодателя, является частью процесса оценки доказательств согласно смыслу ч. 3 – 6 ст. 124 УПК РК «Оценка доказательств». Само по себе сопоставление вне оценки доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достаточности и достоверности никак не влияет на информационную ценность доказательств и потому входит в оценку доказательств. Этот же довод исключает проверку доказательств на предмет их допустимости из числа элементов исследования доказательств. Проверка доказательств посредством сбора новых доказательств не выдерживает критики по двум причинам.

К первой следует отнести тот факт, что собирание доказательств само по себе является начальной составляющей их появления и происходит вне зависимости от цели их проверки. В данном случае это процесс познания, выраженный посредством установления и оценки фактов. Поэтому сбор доказательств-обстоятельств, имеющих значение для дела, проверяющих те или иные факты [4, с. 801], сам по себе существует независимо от цели их проверки и основывается на установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению), а вовсе не их проверки. Так, например, допрос свидетеля, подтверждающий или опровергающий версию, основанную на тех или иных фактах, имеет место как способ установления фактов совершения или несовершения события и пр. Считать, что он является

способом проверки доказательства, недопустимо ввиду того, что он имеет самостоятельное доказательственное значение, указывающее на другую версию.

Второй довод находится в плоскости понимания дополнительных доказательств как фактов, прямо не подтверждающих ту или иную версию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Комментируя ее, отметим, что если эти новые проверочные «доказательства» не имеют отношения к предмету доказывания, то они и вовсе не относимы к делу, а потому в них нет нужды.

Обсуждение и заключение

Изучение норм действующего законодательства Республики Казахстан, регулирующих оценку доказательств для внутреннего убеждения, показало, что, несмотря на широкие полномочия в этой области, законодательная база имеет ряд логических и системных недостатков. Исследование дает основание утверждать, что в уголовном законодательстве существует вероятность непонимания и неточного толкования, поскольку «использование» и «исследование» доказательств не всегда четко разграничены. Кроме того, выяснилось, что некоторые аспекты процесса анализа доказательств на самом деле более тесно связаны с процессом их оценки. Критика, направленная на такие аспекты юридического процесса, как сопоставление и проверка доказательств, позволяет выработать рекомендации по их совершенствованию и более точному включению в систему оценки. Важно подчеркнуть, что справедливое разделение труда между задачами анализа, сопоставления и проверки доказательств может значительно повысить эффективность правовой системы и гарантировать соблюдение стандартов справедливости и законности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Емузов А.С. Оценка доказательств по уголовным делам в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2005. 196 с.
2. Снегирев Е.А. Оценка доказательств по внутреннему убеждению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2002. 201 с.
3. Среднев В.А. Признание доказательств недопустимыми в уголовном процессе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1 (19). С. 162 – 168.
4. Селина Е.В. Нравственные начала уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 794 – 804.

REFERENCES

1. Emuzov A.S. Ocenka dokazatel'stv po ugovol'nym delam v sude pervoj instancii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2005. 196 s.
2. Snegirev E.A. Ocenka dokazatel'stv po vnutrennemu ubezhdeniyu: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Voronezh, 2002. 201 s.

3. Serednev V.A. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v ugovnom processe Rossii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 5-1 (19). S. 162 – 168.
4. Selina E.V. Nravstvennye nachala ugovnogo sudoproizvodstva // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T. 11. № 4. S. 794 – 804.

Информация об авторе:

Дарменов Акынкали Даутбаевич, кандидат юридических наук, начальник Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, a.darmenov@kpa.gov.kz
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Darmenov Akynkali D., Candidate in Law (Research doctorate), Head of the Sh. Kabylbaev Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, a.darmenov@kpa.gov.kz
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 08.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.